

Будет ли жизнь на Земле

● ВОПРОС РЕБРОМ

С атомным реактором?

Еще недавно казалось, что о Чернобыльской катастрофе известно уже все. Особенно после рассекречивания документов тайной канцелярии оперативной группы Политбюро ЦК КПСС, которую возглавлял Николай Рыжков. Уточнены размеры радиоагрязнений не только в странах бывшего СССР, но и у соседей. Прошли судебные процессы даже в Болгарии. Вышли из тюрьмы, по определению суда, виновники взрыва — директор ЧАЭС Брюханов и зам. главного инженера Дятлов. Обнародованы Станиславом Шушкевичем страшные цифры раковых заболеваний в Белоруссии. Стали известны всему миру преступные рецепты от ЦК КПСС по потреблению радиоактивного мяса и молока. Те, кто замалчивал масштабы и последствия взрыва, — получили уже не только ордена Ленина, но и международные награды. [Как бывший председатель Госкомгидромета СССР Юрий Израэль].

Известной стала и правда об участии армии — около 100 тысяч облученных офицеров и солдат Минобороны СССР только за 6 месяцев в 1986 г. Раскрыта ложь о новом вахтовом поселке для энергетиков Чернобыля — Зеленый Мыс. В моем

архиве есть записки покойного маршала Ахромеева, советника президента Горбачева, адресованные оперативной группе Политбюро. Первая — о том, что строить вахтовый поселок энергетиков на том месте, где предлагается, можно. И вторая — написана через некоторое время — совершенно противоположного содержания. Однако построили. Как и Славутич — на земле, зараженной радиоактивным цезием.

Итак, казалось, что уже вся ложь, нагроможденная властью предрержащими вокруг Чернобыля, разоблачена. Ведь прошло семь лет! Но вот — новые, совершенно секретные документы заседаний Политбюро ЦК КПСС с пометкой: «Единственный экземпляр». Один из протоколов — от 3 июля 1986 года — проливает свет на то, что десятилетиями скрывали не только от журналистов и общественности, но даже и от «непосвященных» ученых: безопасность советских ядерных реакторов. И не только печально известных РБМК-1000 (чернобыльского типа), но и всех остальных, которые до сих пор эксплуатируются и в России, и в тех государствах, что возникли на пепелище СССР, и у бывших «братьев».

I. КЛАНОВЫЙ ИНТЕРЕС

После первого съезда народных депутатов СССР группа парламентариев — и я в том числе — обратились к Генеральному прокурору СССР Александру Сухареву с требованием о возбуждении уголовного дела против тех должностных лиц, которые препятствовали преданию гласности последствий аварии, сознательно скрывали информацию, обрекая людей, живущих в зонах радиоактивного заражения, на тихое вымирание. В декабре 1989 года мы получили ответ от заместителя Генерального прокурора СССР В. Андреева. Это была обыкновенная отписка, в которой сообщалось о «стрелочниках» — привлеченных к уголовной ответственности руководителях ЧАЭС. В письме было также сказано, что уголовное дело о конструктивной надежности реактора РБМК, выделенное в отдельное судебное производство, «прекращено, т. к. авария явилась результатом многочисленных нарушений правил безопасности эксплуатации реакторной установки...»

Чернобыльская комиссия ВС СССР в конце 1990 года обнаружила в деле любопытные показания экспертов. Приведу лишь один пример: «Вопрос: повлияли ли конструктивные особенности реактора на развитие аварии? Ответ: да, повлияли. На это указано и в докладе правительственной комиссии: «Развитие аварии, приведшей к разрушению реактора, произошло из-за недостатков конструкции реактора... Непосредственной исходной причиной начального роста реактивности явилось возникновение кипения воды в активной зоне... В том начальном росте реактивности проявился недостаток конструкции реактора: положительный паровой эффект, обусловленный структурой активной зоны.

Первоначальный рост реактивности не был подавлен на начальном этапе движения стержней СУЗ (системы управления и защиты. — А. Я.) после

ввода в действие аварийной защиты реактора. В этом проявился второй недостаток конструкции реактора — неудачная конструкция стержней СУЗ».

За полгода до взрыва на ЧАЭС специалист с Курской атомной станции (там тоже РБМК-1000) Александр Ядрихинский написал в Госатомэнергонадзор СССР, предупреждая об опасности этих реакторов. Писал о необходимости их независимой экспертизы, реконструкции той самой СУЗ (!), которая и стала в Чернобыле одной из причин взрыва. Никто всерьез в «центре» не воспринял его предупреждения.

Уже после аварии, 1 мая 1986 года, с запиской о том, что она «обусловлена не действием обслуживающего персонала, а конструкцией активной зоны и неверным пониманием нейтронно-физических процессов, протекающих в ней», обратился к директору Института атомной энергетики имени Курчатова начальник группы по надежности и безопасности АЭС В. П. Волков. 9 мая 1986 года такое же письмо он направил в адрес руководства страны.

5 мая 1986 года на конструктивные недостатки реактора РБМК-1000 обратила внимание межведомственная комиссия.

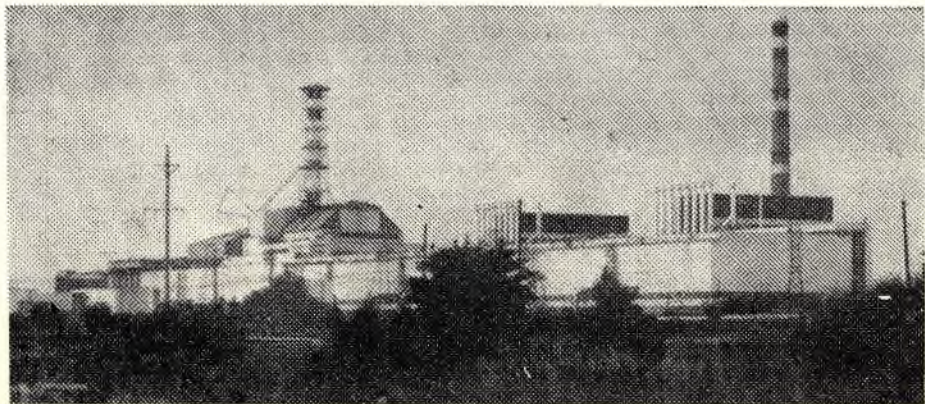
Приблизительно в это же время о

конструктивных недостатках реактора направила дополнение к акту расследования аварии группа специалистов Минэнерго СССР.

2 и 17 июня 1986 г. состоялись заседания межведомственного научно-технического совета под председательством академика А. Александрова, на которых были продемонстрированы и конструктивные недостатки реактора.

17 мая 1989 г. в «Литературной газете» был опубликован материал политического обозревателя Игоря Беляева «То тому ли пути?» Его собеседник В. Бобров, исполняющий обязанности начальника лаборатории государственной экспертизы изобретений ЦНИИ, атоминформ, рассказывает о том, почему реактор РБМК-1000 не был зарегистрирован как изобретение. Авторами заявки выступали тогда директор Института атомной энергетики академик А. Александров и другие сотрудники института. «В 1967 году, — говорит В. Бобров, — первый вариант заявки (полторы страницы машинописного текста без формулы изобретения и чертежей) я возвратил авторам на переоформление. Затем началось что-то невероятное. Переоформленная заявка на РБМК от 6. 10. 67 г. была еще не рассмотре-

(Окончание на 2 стр.)

Будет ли жизнь на Земле с атомным реактором?

(Окончание. Начало на 1 стр.)

на, а уже всего через месяц, 10 ноября 1967 года, академик А. Александров объявил в газете «Правда» (статья «Октябрь и физика»), что советским ученым удалось решить задачу повышения экономичности атомных электростанций.

...Одной из причин непризнания конструкции изобретением было отсутствие промышленной полезности способа снижения стоимости электроэнергии путем использования РБМК с допотопным кид — всего около 30 процентов. Именно эту причину отказа оспаривал заявитель, требуя признания своего «изобретения» после его (реактора РБМК-1000. — А. Я.) силового внедрения в атомную энергетику в 1973 году».

Напомню: это «внедрение» началось с Ленинградской АЭС, где периодически происходят аварии. Ничто не могло остановить Александрова и его коллег — даже отказ Государственной экспертизы признать «передовой техникой уровень» реактора изобретением. Народное хозяйство страны было обречено на очередную пятилетку (1971—1975 гг.) две трети мощностей АЭС планировались именно с этими реакторами.

Таковы первоисточники всемирной лжи об особой надежности наших реакторов.

2. МОЖНО ЛИ ОБЕЗОПАСИТЬ РЕАКТОР

«Безопасность реакторов следует обеспечить физикой, а не организационно-техническими мерами», — эту фразу в полемике с академиком Александровым обронил приглашенный на заседание Политбюро ЦК КПСС начальник Госпроматомнадзора Е. Кулов.

«Сов. секретно. Экз. единственный. (Рабочая запись). Заседание Политбюро ЦК КПСС. 3 июля 1986 года. Председательствовал тов. Горбачев М. С. Присутствовали тт. Алиев Г. А., Воронников В. И., Громько А. А., Зайков Л. Н., Лигачев Е. К., Рыжков Н. И., Соломенцев М. С., Щербицкий В. В., Демичев П. Н., Долгих В. И., Слюнсков Н. Н., Соколов С. Л., Бирюкова А. П., Добрынин А. Ф., Никонов В. П., Капитонов И. В.

1. Доклад правительственной комиссии по расследованию причин аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года.

Горбачев (...). Слово предоставляется т. Щербине.

Щербина (заместитель председателя Совета министров СССР). Авария произошла в результате грубейших нарушений эксплуатационным персоналом технического регламента и в связи с серьезными недостатками конструкции реактора. Но эти причины неравнозначны. Исходным событием аварии комиссия считает ошибки эксплуатационного персонала. * * *

Как видим, знакомая песня. Хотя к этому времени правительственной комиссии, безусловно, были известны все резко негативные экспертные оценки конструктивной надежности реактора. Но дальше, уже как бы опровергая и самого себя, докладчик говорит: «Оценивая эксплуатационную надежность реактора РБМК, группа специалистов, работавшая по поручению комиссии, сделала вывод о несоответствии его характеристик современным требованиям безопасности. В их заключении сказано, что при проведении экспертизы на международном уровне реактор будет подвергнут «ostrакизму». Реакторы РБМК являются потенциально опасными.

(...) Видимо, на всех действовала настойчиво рекламируемая якобы высокая безопасность атомных станций. (...) Следует принять нелегкое решение о прекращении строительства новых атомных станций с реакторами РБМК (...).

Коллегия министерства (энергетики и электрификации. — А. Я.) с 1983 г. ни разу не обсуждала вопросы, связанные с безопасностью АЭС.

(...) В одиннадцатой пятилетке на станциях допущены 1042 аварийные остановки энергоблоков, в том числе 381 на АЭС с реакторами РБМК. На Чернобыльской АЭС таких случаев было 104, из них 35 — по вине персонала. На блоке № 1 этой станции в сентябре 1982 года произошла ядерная авария с разрушением технологическо-

го канала и выбросом тепловыделяющей сборки в графитовую кладку (...).

После доклада председателя комиссии состоялась цеховская «разборка» надежности реактора. Она то и высветила неожиданные, мало кому ведомые тайны советского реакторного «двора».

Горбачев. Комиссия разобралась, почему недоработанный реактор был передан в промышленность? В США от такого типа реакторов отказались. Так, тов. Легасов?

Легасов. В США не разрабатывались такие реакторы в энергетике.

Горбачев. Реактор был передан в промышленность, а теоретические исследования не были продолжены.

Щербина. В 1956 году было принято решение, определяющее судьбу этих реакторов для энергетики. Надежность промышленного реактора была перенесена на энергетический.

Горбачев. Почему же все-таки не были продолжены теоретические исследования? Не получается ли так, что волюнтаризм отдельных лиц вовлекает страну в авантюру? (...) Кто вносил предложение о дислокации АЭС около городов? Чьи это были рекомендации? (...) Кстати, американцы, после имевшей место у них аварии в 1979 году, не начинали строительства новых АЭС.

Щербина. Считалось, что вопрос о безопасности является решенным. Об этом говорится в издании института имени Курчатова, в подготовке которого участвовал и Легасов (...).

Горбачев. Сколько было аварий?

Брюханов (директор Чернобыльской АЭС. — А. Я.). В год происходит примерно 1—2 аварии... Мы не знали, что в 1975 году нечто подобное было на Ленинградской АЭС.

Горбачев. Произошло 104 аварии, кто несет ответственность?

Мешков (первый замминистра среднего машиностроения СССР). Эта станция не наша, а Минэнерго.

Горбачев. Что вы можете сказать о реакторе РБМК?

Мешков. Реактор испытанный. Только купола нет (запомним это, читатель. — А. Я.). Если строго выполнять регламент, то он безопасен.

Горбачев. Тогда, почему же вы подписали документ, в котором говорится, что его производство нужно прекратить? (...) Вы меня удивляете. Все говорят, что этот реактор недоведен, его эксплуатация может вызвать опасность, а вы здесь защищаете честь мушкетера.

Мешков. Я защищаю честь атомной энергетики (...).

Горбачев. Вы продолжаете утверждать то, что утверждали 30 лет, и это является отзвуком того, что сфера Средмаша не находилась под научным, государственным и партийным контролем. И во время работы правительственной комиссии, т. Мешков, ко мне поступала информация о том, что вы вели себя легковесно, старались замазать очевидные факты.

Лигачев. Есть мировая атомная энергетика. Почему она идет по пути строительства реактора другого типа?

Мешков. У этого реактора есть свои преимущества. РБМК — промышленный реактор.

Горбачев. Но он наименее изучен. Так, тов. Легасов?

Легасов. Да, это так.

Воронников. Как же вы подписали документ, в котором говорится, что больше строить РБМК нельзя? (...).

Горбачев. Сидоренко В. А. (один из руководителей Госатомэнергонадзора СССР. — А. Я.) пишет, что РБМК и после реконструкции не будет соответствовать современным международным требованиям (...).

Александров. Считаю, что это свойство (разгон) реактора может быть уничтожено. У нас есть соображения о вариантах решения этой проблемы. Это можно было бы сделать за один-два года.

Горбачев. Это касается ныне действующих реакторов?

Александров. Ныне действующие реакторы можно обезопасить. Даю голову на отсечение, хоть она и старая, что их можно привести в порядок. Прошу освободить меня от обязанностей президента Академии наук и дать мне возможность исправить свою ошибку, связанную с недостатком этого реактора.

Горбачев. А можно ли эти реакторы довести до международных требований?

Александров. (...) Все страны с развитой ядерной энергетикой работают не на таком типе реакторов, которые используются у нас.

А ведь еще 28 декабря 1984 годы (!) решением межведомственного научно-технического совета по атомной энергетике были утверждены предложения экспертов комиссий по приведению действующих энергоблоков РБМК-1000 в соответствие с требованиями нормативных документов по безопасности.

Майорец (член правительственной комиссии). Что касается реактора РБМК, то на этот вопрос можно ответить однозначно. Никто в мире не пошел по пути создания реактора этого типа. Я утверждаю, что РБМК и после доработки не будет соответствовать всем нашим нынешним правилам (...).

Рыжков. Мы к аварии шли. Если бы не произошла авария сейчас, она при сложившемся положении могла бы произойти в любое время. Ведь и эту станцию пытались взорвать дважды, а делали только на третий год. Как стало сейчас известно, не было ни одного года на АЭС без ЧП. (...) Были также известны и недостатки конструкции реактора РБМК, но соответствующие выводы ни министерствами, ни АН СССР не сделаны. (...) Оперативная группа считает, что станция с большим строительным заданием, с реакторами, с РБМК надо заканчивать, и на этом прекратить строительство станций с этим реактором».

Таковы были оценки специалистов, участников совершенно секретного заседания Политбюро ЦК КПСС о надежности реактора РБМК. Десятки комиссий, ученых представили доказательства его неадекватности. И что же?

Через год после Чернобыля в строй были введены еще два энергоблока с реакторами РБМК: 3-й — Смоленской АЭС и 2-й — Игналинской...

3. «ВЫ КАКОИ РЕАКТОР ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?»

Это вопрос из секретного протокола. Его задал член Политбюро ЦК КПСС Н. Слюнсков заместителю министра энергетики и электрификации СССР, Г. Шашарину. На что Шашарин ответил: «ВВЭР».

И спустя семь лет после чернобыльской катастрофы мало что изменилось в атомной энергетике независимых государств бывшего СССР: там эксплуатируются все те же РБМК и ВВЭР. Снова введена в строй Игналинская АЭС с реакторами РБМК, которая была закрыта при ненавистном «центре» по требованию прибалтийских патриотов. В Армении теперь президент Тер-Петросян говорит о скорейшем введении в действие Армянской АЭС, несмотря на то, что она стоит на сейсмических разломах. Дефицит электроэнергии заставил забыть об этом. Несмотря на то, что парламент Украины принял решение о закрытии Чернобыльской АЭС в 1993 году, в конце прошлого года вновь были введены в строй 2-й и 1-й ее блоки. О необходимости строить две атомные станции в Белоруссии говорил бывший председатель Верховного Совета Белоруссии С. Шусткевич.

Сегодня атомный феникс возрождается, отряхивая со своих крыльев радиоактивный пепел.

28 декабря прошлого года вышло постановление правительства России «Вопросы строительства атомных станций на территории Российской Федерации». К вводу намечено 33 новых блока АЭС и АСТ. 19 из них предполагается разместить в Центральной, Северо-Западной и Черноземной зоне России. Это густонаселенные районы, с газо- и нефтепроводами. Среди вводимых ядерных реакторов есть и РБМК.

Наверное, многие еще помнят трагическую гибель академика Валерия Легасова, принимавшего участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а затем покончившего с собой, как считало следствие, на следующее утро после второй годовщины аварии. На том совершенно секретном заседании Политбюро ЦК КПСС В. Легасов говорил Горбачеву: «Реактор РБМК по некоторым позициям не отвечает международным и отечественным требованиям. Нет системы защиты, системы дозиметрии, отсутствуют внешний колпак. Мы, конечно, виноваты, что не следили за этим реактором. Оба ведущих ученых, которые работали в отделе и занимались физикой этого реактора, скончались. В результате должного внимания физическим вопросам не

уделялось. Мы видели слабость этого подразделения. В этом есть и моя вина. ...Это касается и первых блоков ВВЭР. 14 из них тоже не соответствуют современным и отечественным требованиям безопасности».

Через два года, незадолго до смерти, Валерий Легасов, записываясь для документального фильма «Звезда Полюнь», сказал еще больше: «Позвольте уж я коснусь реактора, то, может быть, наступил тот самый момент, когда нужно высказаться. Редко кто из нас по-настоящему откровенно и точно на этот счет высказывался. Всякий подход к обеспечению ядерной безопасности... состоит из трех элементов: первый элемент — это сделать сам объект, ну, в данном случае, скажем, атомный реактор, — максимально безопасным; второй элемент — сделать эксплуатацию этого объекта максимально надежной, но слово «максимально» не может означать стопроцентную надежность, философия безопасности требует обязательно введения третьего элемента, который допускает, что авария все-таки произойдет и радиоактивные или какие-нибудь химические вещества за пределы аппарата выйдут. И вот на этот случай обязательным является упаковка опасного объекта в то, что называется «контейнмент»... Вот в советской энергетике третий элемент, с моей точки зрения, был преступно проигнорирован. Если бы была философия, связанная с обязательностью «контейнмента» над каждым из атомных реакторов, то, естественно, РБМК по своей геометрии как аппарат просто не мог бы появиться. Факт появления этого аппарата, с точки зрения международных и вообще нормальных стандартов безопасности, был незаконным, но, кроме того, внутри аппарата были допущены три крупных конструкторских просчета».

И здесь самое место и время вспомнить, что, как утверждали Легасов, Израэль, другие ученые, не чернобыльская авария была самой крупной в мире. Самая крупная в мире атомная авария произошла до Чернобыля — в 1979 году на АЭС Три-Майл-Айленд, в США. Но там реактор был под колпаком. Поэтому и авария произошла под колпаком. Колпак треснул, но во внешнюю среду вышло очень немного радиации. С тех пор США не построили ни одной АЭС. Даже и с надежным колпаком.

Но вот уже несколько лет мы живем и без Политбюро, и без ЦК КПСС. Есть выводы десятков компетентных комиссий, групп ученых о причинах взрыва на ЧАЭС, кроющихся в самом реакторе. В том числе и авторитетный «диагноз», поставленный уже в 1990 году комиссией Госпроматомнадзора СССР во главе с известным ученым И. Штейнбергом: «Недостатки конструкции реактора РБМК-1000, эксплуатировавшегося на четвертом блоке Чернобыльской АЭС предопределили тяжелые последствия аварии». А изменений в подходах к делу, хотя речь идет о жизни людей, не наблюдается. Да и откуда они возьмутся, если «политбюро» (в широком значении слова) практически даже не меняло своих кресел: оно все там же, на Старой площади и около.

Фамилии и лица их известны. (И не только в России.) С начала они гнали нас о причинах и последствиях аварии в Чернобыле, принимали решения о строительстве домов для переселенцев в опасных зонах, затем, зная о реальных причинах аварии, всю вину свалили на персонал станции, и — по-прежнему руководят нами. Пользуясь неосведомленностью широкой общественности, создают безответственные планы «атомизации» бедной России реакторами, заведомо зная об их опасности.

За обнародование ложной информации 10 апреля 1987 года проголосовали, как всегда, единогласно на Секретариате ЦК КПСС (совершенно секретный протокол № 46): товарищи Горбачев, Алиев, Воронников, Громько, Лигачев, Рыжков, Соломенцев, Чебриков, Шеварднадзе, Щербицкий.

«За» было всегда стопроцентным. Несмотря на то что на своих совершенно секретных сходках они, оказываясь, откровенно называли последствия взрыва в Чернобыле «последствиями малой войны» (А. Грымко), сравнимыми с «применением оружия массового уничтожения» (М. Горбачев, С. Соколов). Но это положено было знать только «жрецам». Народ же уверяли, что виноваты «стрелочники», которые непременно будут наказаны, а «здоровью людей ничего не угрожает».

Алла ЯРОШИНСКАЯ (по материалам публикации «Зеркала недели»).

Наша справка: Алла Ярошинская — бывший народный депутат бывшего СССР, журналист из Житомира.